

Аркадий Маргулис, Виталий Каплан

Трагедия Швабской фамилии

1

До заката солнца оставались минуты. Гостиная погружалась в полутьму, обглоданную уличными огнями, и Мааян поспешила зажечь свечи¹ — две наших и две детских. Они обагрили вышитую, от дедов-прадедов, скатерть, пришили к стенам тени и бесконечно размножились в старинном трюмо. Сколько ни наблюдал это, но всякий раз, словно впервые. Неясное движение, отклонившее занавес, коснулось язычков пламени, вынудив их дрогнуть и сместиться по кругу. Свершилось. Я церемонно поздравил жену, и она — меня. Наступил праздник. Сошла светлая царица-суббота². Пусть ниспошлёт Всевышний благоденствие нашему народу на предстоящую неделю.

Праздничную ночь мы, как всегда, провели вместе. Я пробудился рано, но не решался встать. Наступило утро, последнее в устоявшемся укладе — завтра я выйду на пенсию. Мааян подтрунивала надо мной. Твердила — после смерти мамы в моей жизни осталось две женщины: она сама, преданная

супруга и полиция, притязательная любовница. Жена останется со мной до конца дней, а с любовницей предстоит расстаться. Я предвкушал свободу и страшился её.

Стараясь не на шуметь, сполз с кровати. Благостно позёвывая, отправился в ванную. Привёл себя в порядок. Облачился в торжественный «Армани», аккуратно сложенный в кресло с вечера. Заварил кружку кофе и с ней вышел во двор. Над Кейсарией зарождалась хмарь. Солнце, заждавшись подходящего случая, укуталось подоспевшей тучей. Небо приблизилось, но стало чужим. Неуловимо запахло мятой. Я облюбывал местечко под тентом и позволил пространству течь сквозь себя.

Непостижимая тишина. Город без офисов и крупных торговых центров, без замусоренных промышленных зон, без заторов на дорогах — благолепие, упрямая плоть патриархального анклава. Народ торопливо возвращался из синагоги. Под мышкой наскоро свёрнутый талес³. Кто-то же должен замаливать наши грехи. Каждый волен поступать по-своему. Одни приветствовали меня кивком, другие притворялись, или впрямь не замечали, увлечённые разговором. Слыхивал я их беседы, кто и сколько пожертвовал на богоугодные цели. Пусть себе, всё равно никто не проверит. Да и не нужно. Хорошее человек совершает ради себя.

Наша семья из поколения в поколение владела

скромной страховой компанией. Меня же с детства влекли детективные истории, до дрожи обожал раскопки криминальных завалов. Всё в памяти.

Вблизи громыкнуло — Швабы, соседи, тоже проснулись. В окне мелькнуло широкое лицо Залмана, побитое солнцем и войнами. Серьёзный мужчина, такому под настроение лучше не попадаться. Полвека назад Арон Шваб, дед Залмана срубил в Омере под Беер-Шевой дом — такой грубый, что можно было посадить занозу, только взглянув на него. Вилла его потомков, походившая скорее на дворцовый комплекс, разместилась в одном из престижнейших уголков Кейсариин. Райское место. В пятистах шагах море, рядом, за изгородью, эвкалиптовая роща. Никакой экстравагантной мишуры — строгие линии оконных обрамлений из светлого камня, просторная веранда на верхнем этаже между колоннами и несимметричным фасадом. Большая гостиная, столовая с кухней, оздоровительный блок, шесть вместительных спален, в придачу игровой зал с гардеробной, легко преобразовавшийся в дополнительные комнаты, и великое множество подсобных помещений. Излишество, но со вкусом.

Боковая дверь распахнулась, оттуда вихрем вылетел взбешенный Залман. Опять почтенные Швабы поцапались за наследство. Старый лев ещё жив, а они как с цепи сорвались. Прознав, что на

пенсии я займусь досудебным урегулированием конфликтов, пожаловали ко мне. Житейское дело. Папа Бенцион в последнее время передвигался с трудом. Мучительно даже с посторонней помощью — чаще всего Далии, младшей дочери, и опасение, что властный старикан дотянет с завещанием до своего последнего часа, наверняка, тяготило наследников. Упаси Бог, преставится, не успев оформить. Так выглядела ситуация. Говорить со старым Швабом о судьбе наследства я отказался напрочь — себе дороже, но дети росли у меня на глазах и вместе со мной, видеть их в неприглядном свете казалось несносным, так что пришлось согласиться.

У нас в стране обращение в суд сродни выносу напоказ заношенного белья и омрачило бы жизнь известной в Израиле фамилии. Залман, хитрый лис, знал, что соглашусь, и тут же подсунул договор. Я, как нейтральный посредник, брался за разработку решений, отвечающих интересам сторон. Швабы обещали следовать моим советам при заключении соглашений.

Залман пару лет назад уволился из службы государственной безопасности. На нём, честно сказать, держался семейный бизнес. К тому же, он полагал, что ему, как старшему, причитается львиная доля. Ещё в Украине так вершилось у старого Арона — первенцу доставалось всё. Но он,

Залман, настолько любил брата и сестру, что намеревался пожаловать им целую половину. Осторожный Марк высказывался, что перебирать варианты бессмысленно, ведь законы о наследстве в стране сильны, но своего, конечно, упускать не хотел. Далия старалась избегать трудных разговоров, целиком полагаясь на решение отца, каким бы оно ни оказалось. Про себя же, наверное, надеялась на родительскую благодарность. Бедняжку Дану, дочь покойной Дины, старшей сестры, во внимание вообще не принимали.

Завтра я окончательно сдам дела Изи Ману, дышавшему мне в затылок в течение года. В свои пятьдесят лет подполковник выглядел самонадеянным юнцом, возомнившим себя ясновидцем. Его нынешним амбициям отвечала моя должность. Наверное, представлялась ему обязательной ступенькой в карьерной лестнице. Завтра всё останется позади — внутренние склоки, скучная речь командира округа, скромный стол с виноградным соком, бамбой⁴ и бурекасами⁵. Ах да, подарок за долгую и плодоносную службу — именные часы. И память, о ней уже говорил.

Бархатисто заурчал двигатель Залманова «Мерседеса». Сразу рвануть с места мешала стартовая заминка компьютера. И пусть до момента, когда стрелка тахометра метнётся вправо, пройдёт меньше секунды, сразу придётся пожалеть

об отсутствии третьей педали. Следом мотор хватнул тон с «низов» — взревел, как нищий, выигравший в лотерею, и Мерседес взлетел над асфальтом, вздрагивая мощным корпусом, точно аэробус среди воздушных ям.

Сверкнуло и снова ударило. Теперь с небес. Дождь, справедливая примета уголовников, остудит пыл свидетелей и уничтожит следы. Словно наяву представилось, как глаза Залмана метали молнии навстречу небесным. Дворники на лобовом стекле не успевали сталкивать низвергаемую ненастьем воду. Наверное, небо в голове Шваба перевернулось с ног на голову и обратно. Джип, пугая пространство, мелькнул и исчез в тропическом ливне.

В непогоду лучше сидеть у камина, и мне померещилось, что Залман скоро вернётся. Я мог оказаться прав — рёв двигателя послышался снова. Судя по тону, машина шла на большой скорости.

2

Блеснули фары, показался облепленный ливнем пикап, бежевая «Тойота». Она вызывающе соперничала с великолепным Гелендвагеном Залмана. Оба, японка и немец, непримиримы к бездорожью, выносливы и дерзки. Оба настолько уверены в себе, что многие годы оставались

утилитарными моделями. Но я опростоволосился, Залманом здесь и не пахло.

Дождь прекратился внезапно, как и начался. И, слава Богу. Я, как говорится, протёр глаза, но это был не мираж. Из «Тойоты», блистая улыбкой, выскочила Даночка Битон. Фантастика! Внучка старого Бенциона почтила присутствием фамильное прибежище!

— Детка... Даночка! — не скрывая чувств, закричал я, торопясь к машине.

В нимбе радуги она выглядела потрясающе. Джинсы-скинни — как возможно без них! Белая в обтяжку футболка. Волосы, разделённые на две симметричные половины, обрамляя лоб, ниспадали на плечи. Природная блондинка, потрясающее сочетание — глаза. Они, огромные, голубые, ни намёка на серый отлив, залихватски блестели.

Я раскрыл объятия и она, восхитительно взвизгнув, повисла на моей шее.

— Дядя Надав... Наконец-то! Так рада видеть тебя!

— Взаимно, моя девочка. Какими судьбами?

Она наклонилась к моему уху и прошептала:

— Взгляни на минуточку... У меня новый мальчик...

— Вот оно что. Познакомишь?

— Без проблем... Как раз поэтому мы здесь. Познакомлю его со всеми... Томер! Надо же! Он до

сих пор в машине... Томер! — крикнула она, помахав ладошкой, — а ведь знаешь, я пошла по твоим стопам.

— Неужто поступила? Что учишь?

— Ничего сверхестественного...

— Значит, криминологию в Хайфском университете?

— Вот именно. Точно в цель.

Из кабины Тойоты показалась спина мужчины. Он доставал поклажу.

— Предполагаешь остаться подольше? — спросил я.

— На зимние каникулы... Если не разругаемся...

— Понимаю... Швабы, — сокрушённо развёл я руки, — вы случайно Залмана на дороге не встретили?

— Такой дождище, дядя Надав... Вроде, пролетел кто-то.

— Именно, пролетел. Выскочил, как бешеный гризли, и по газам!

— С него станется, — глаза девушки потемнели. Мужчина возле пикапа наконец-то справился. Выставил на тротуар багаж.

Меня интересовало всё, что касалось Даны. Знал девоньку с младенчества. Итак, у неё новый мальчик. Ничего выдающегося. «Пляжный костюм» — каскетка «Найк» с прямым козырьком, белые

шорты под футболкой с короткими рукавами, мускулистые руки. Лет тридцати, не меньше. Высокий, худой, атлетичный. Лицо узкое, вытянутое к носу. Кожа смуглая, почти чёрная, парень вполне тянул на марокканца. То-то оскалятся Швабы. Нарочитая, если не врождённая неряшливость, нравилась восторженным девочкам, но не их близким.

Гость дёрнул плечом, забросив на спину сумку, и выпрямился. Именно в этом движении я его узнал. Он меня тоже, судя по изумлённому лицу. Мы стали сходитья одновременно, как два бретера по отмашке секунданта.

— Ого, да вы знакомы! — воскликнула Дана со странной интонацией, замешанной на недоверии.

Мы остановились, непринуждённо разглядывая друг друга. И я спросил, хотя многое и без того было ясно:

— Значит... чуда не произошло?

3

В Израиле скоротечность времени ощущается явственней, чем где-либо. Даже давнишние события помнятся так, будто случились пару дней назад или вовсе вчера. Ума не приложу, где отыскать объяснение этому феномену.

Года четыре назад Ури Фридман, старинный

приятель из Управленияб, к тому времени пенсионер, пригласил меня в рыболовный рейд. Ясно, не впервые, но всё же после длительного перерыва. Срочность похода подсказывала, что Ури внезапно понадобилось моя помощь в какой-то затее. Никогда в таких случаях не отказывал. Друзья для того и существовали, чтобы вспомнить о них в трудную минуту. По количеству одолжений у нас с Ури сложился паритет. Если удастся помочь, настанет его черёд быть обязанным. Иметь должником такого человека подобно хранению драгоценностей в швейцарском банке. В любой момент выручит.

Наступал исход субботы. Выслушав наставления Мааян, впрочем, вполне обоснованные, я отправился в Яффо. Субботние пробки уже начинали раздражать водителей, но шанс добраться засветло подгонял. Телефонный звонок Фридмана усугубил ситуацию, Ури просил прикупить на заправке десятков пакетов льда. Без него не обойтись, если хочешь сохранить улов.

Из окраины города на трассу я выехал без приключений. Развилку в Натании миновал с сотней на спидометре, но за Вингейтом застрял в пробке. Эфир источал банальность. В вечерних выпусках мусолили новости об аномальной жаре, свирепой безработице и кровавом терроре, возобновившем ненасытный отсчёт. Уточняли

раздел вселенной на две неравноценные доли. Меньшую составляли евреи, гигантскую вторую — гойи⁷. Сетовали на вопиющую несправедливость, когда в любых проблемах вину вину евреев. Даже за вынужденное противостояние арабскому террору. Я выключил радио. Любому ясно — когда остынет солнце, исчезнут все, и евреи, и неевреи.

Великодушно умирал закат. Было хорошо от мысли о предстоящей одиссее и вообще от жизни. На въезде в Яффский порт оживала автомобильная сутолока, её на исходе субботы создавала многолюдная суeta вдоль набережной. В город можно было попасть по верхней дороге. Она извивалась за стеной, но въезд в порт с той стороны, как всегда, оказался закрыт. Поехал нижней, извивающейся мимо пакгаузов к причалам. С правой стороны парапета таилось заветное местечко, в молодости я приводил сюда подружек. Глаза в глаза, молча, в томлении, обласканном вечерним бризом, слушать старческое ворчание прибоя. Девочки млели и становились податливыми.

Море, разнеженное после зноя, не обнаруживало признаков жизни. Лодку Ури Фридмана я отыскал в южной части порта, у солидного, даже по щедрым меркам не дешёвого пирса. Большинство лодок швартовались, где подешевле, ведь платить за удобный уголок многим

рыбакам не по карману. Ури сидел на палубе, свесив босые ноги за борт, задумчиво посасывая короткую трубку. Всё такой же brutальный кряж, с наметившейся на макушке лысиной. Вызывающе рыжий, никак не тусклее апельсина. Мы кивнули друг другу, будто расстались час назад. Обоюдная привычка, не помню, с чего она началась. Понимаем один другого без слов.

Прогулочный катер, «лодка Фридмана», приспособленный для рыбного промысла, сильно отличался от собратьев, потирающих друг другу борта у портовых причалов. Ухоженная, десяти метров длины посудина с низкой, идеальной для лова палубой, в носовой части имела надстройку, кубрик, способный защитить экипаж от штормовых напастей. Внутри, на широких скамьях-лежанках, валялось барахло — зюйдвестки, накидки, армейские спальные мешки. Шмотьё при случае служило постелью. У Фридмана случаи, несомненно, бывали. Наконец, в надстройке, гордо именуемой «капитанской каютой», могли устроиться несколько человек в полный рост. Неизвестно почему — у Фридмана не допытаться — судно именовалось «Восток-Ориент».

— Мы кого-то ждём? — спросил я капитана.

— Можно сказать... — ответил Ури, осматриваясь.

Вдоль пирса, хихикая, бежал филиппинец

Эрвин, портовый дурачок, законченный наркоман. Тряс в баночке из-под хумуса горстку риса, раздобытого на ужин. Помахав нам рукой, покричав «Томер! Томер!», помчался к пустующему ангару. Все в порту знали — у него в опрокинутой бочке под стеной королевский ночлег. Никто не помнил, каким ветром занесло его в страну. По слухам, за ним неотступно брела чья-нибудь удача. Считалось добрым знаком повстречать его перед выходом в море.

Дверь «каюты» открылась.

— Знакомься. Это Томер. Будет в экипаже третьим, — сказал Ури, — он, правда, новичок, но в море держится молодцом. Увидишь, настоящий морской бродяга.

Худой, высокий и крепкий Томер пришёлся мне по душе. Сразу видно — скальной породы.

Он без слов подал руку.

— Слышишь, Надав, у парня неприятности, нужна помощь. Именно твоя. Возьмёшься?

— Друг мой Фрид, начинать знакомство с проблем, а рыбалку с геморроя не комильфо. Выйдем в море, наловим рыбки, примем трудовую каплю, тогда и поговорим. Уверяю, всё будет о-кей. Ты меня знаешь.

— Как облупленного. В некоторых вещах ты — фанат. Даже маньяк. Только не становись прокурором — взгляни на проблему глазами

парня... Кстати, рыбнадзор пару месяцев назад закрыл ловлю. Ждали, пока рыба подрастёт. Срок вышел вчера, даст Бог, будем с уловом...

Выйти в море удавалось редко, но всякий раз я восхищался романтикой глубоководной рыбалки. Без сноровки, терпения и множества нажитых хитростей предприятие обречено.

Отчаливать лучше к ночи. Локус8 не терпит солнца, уходит поглубже, где темно и прохладно. Рыбина устроена особым образом — стоит ей хапнуть воздуха, и раздутый пузырь внутри не позволит уйти в глубину. Выведешь зверюгу на поверхность — можешь расслабиться, будет дрейфовать, пока не затащишь в лодку.

Дальше пошло, как обычно. Фридман запустил двигатель на прогрев. Мы с Томером, отвязав швартовые, следили, чтобы катер не примял соседям борта. Наконец, отвалили и пошлёпали на малом ходу по бухте, укрытой от моря бетонным валом. Лишь миновав портовую границу, каменную гряду в пене и брызгах прибоя, помчались на полных оборотах. Берег толчками удалялся от кормы.

Ури похвастал новым навигатором, и мы вежливо поцокали языками.

— То-то и оно... Выбрать координаты... Так, сынки... Есть в моём меню полоса, сорок метров под килем, туда и побежим... Рыбу хоть руками

вытаскивай...

У каждого рыбака на примете свои хлебные залежи. И прелесть как раз в том, что у всех одни и те же. Но морю от этого ни сухо, ни сыро.

Остановившись, зажгли на буйке лампу, поставили на воду. Начало пути, сюда вернёмся поднимать снасть. Дальше двинулись вдоль береговых огней на самом малом. Толстая леса, с неё свисали унизанные наживкой⁹ крючки, уходила под воду, влекомая грузилами. Сначала огонёк буйки приплясывал на близкой волне, но по мере того, как мы отплывали дальше, проблескивал слабее, пока не исчез. Когда расстояние до него по прибору составило около мили, обозначили конец снасти второй лампой и помчались к началу. Навигатор безошибочно вывел к буйке, радостно суетившемуся на волне.

Взялись за лесу. Эта работа стоила улова. Выбирать снасть и складывать, чтобы не запуталась, освободить крючки — несъеденную, уже негодную наживку отдать морю. Обладая сноровкой, за ночь можно сверстать три-четыре ходки.

Фридман сонно посасывал трубку. Ящики с уловом и льдом стянули к каюте. Поутру потихоньку зайдём в порт, пришвартуемся. Бывший начальник аналитического отдела Управления Ури Фридман превратится в торговца. Балагурия, взвесит

добычу, сбудет с борта, как подобает рыбаку, выкормышу моря. Рыбку расхватывают по нужной цене. Но даже, если случится невероятное — народ забудет дорогу к причалам, улов достанется портовому ресторану.

Мы с Фридманом подались в каюту, Томер остался на палубе. Не захотел расслабиться. Угрюмо всматривался во тьму.

Ветер разъярял волны, и, закипая, они огрызались, пробуя борт на прочность. Вдали, как сияющие грозди раскачивались электрические зарева, между ними вспыхивали одинокие огни и недосыгаемо высоко подмигивали звёзды. Перезрелая луна роняла на воду шлейф серебра, соединяющий миры. Казалось, по нему, как посуху, можно выбраться на берег.

— Обманка... Шторма не будет... Хотя дует сильнее... — сказал Ури, отпирая сейф. Вытащил запечатанную бутылку и пару миниатюрных стаканят. Звякнув, они мутно прояснились на свету.

— Ты специалист, тебе лучше знать, — согласился я.

— Двадцатилетний «Арманьяк10»! — объяснил Фридман. Ничто так не умиротворяет душу, как бальзам, присыпанный крупичками солнца. Размывает проклятую желчь... Всё остальное — бурда!

Куда его потащило! Состарился, что ли! Я

хотел возразить, намекнуть, что у меня другой распорядок, но сквозь потолок стены, и двери в уши ударил вопль. От неожиданности Ури Фридман развернулся. Жалко звякнули, расколовшись, стаканы, и мы, мешая друг другу в узком створе двери, выскочили наружу.

4

Кричать мог только Томер. Ещё бы! Никого, кроме него, на палубе не было. Да и не могло быть. Для него, наверное, тоже никого не существовало — я увидел, как он, вскинул руки, потрясая кулаками под фонарём, услышал, как закричал протяжно и мощно:

— Ли-и-н-да-а!

В его зове билась боль, столько боли, гнева и страсти, что они, слившись, заглушили шум моря.

— Ли-н-да! — крик вдруг оборвался, скомкался, как кровельная жесть под натиском урагана. Рассыпался, сначала взлетев до отметки «Зелёных ботинок¹¹», затем скатившись на дно Мёртвого моря¹². Насыщенный обертонами вопль заметался болезненным эхом, пока неожиданно не прервался всхлипом.

Я растерялся, не зная, что делать. Посмотрел на Ури, он пожал плечами. Таил что-то старый лис и выглядел так, будто происходящее его не

касалось — кричит себе человек, и пусть кричит, имеет право.

Мне показалось, Томеру не справиться в одиночку.

— Линда, Линда, — причитал он, хрипя, будто впервые глотнул новомодного «Губи13». Затих, наклонился за борт, всматриваясь, как если бы уронил в воду наследственный амулет.

— Линда... — было невыносимо слушать.

Я подобрался поближе и положил ладонь ему на плечо. Он вздрогнул, сбросил мою руку и посмотрел с болезненной растерянностью, словно забыв о цели нашей встречи:

— Нет! Оставь! Теперь мой черёд!

Я почувствовал его состояние, скорее всего, близкое к бреду. Казалось, его мысли путались, мутилось сознание. Стало ещё тоскливей, и я заторопился. Залопотал бессвязно, но не лукавя:

— Погоди... Почему — нет... Жизнь... И смерть... Кто знает — когда, как... Кто окажется первым... Попросит у Него за другого...

Томер, тяжело вздохнув, выпрямился. Сжал уголки рта, посмотрел с гримасой — мне показалось, недоверия или ожидания насмешки. Не дождался. Очнулся. Взгляд прояснился и потеплел.

— Что-то нашло... Не справился... Прости, Надав, — попросил он.

Я понимал — так и бывает. В состоянии

аффекта человек готов натворить что угодно. Даже лишиться себя жизни. Потом и пожалеть не сумеет. Слава Богу, обошлось, и, чтобы закрепить успех, я протянул ему пачку «Парламента».

— Суперлёгкие, — ухмыльнулся он, — бережёшь здоровье?

Мы облегчённо задымили. Я ответил, как можно осторожнее, и угадал:

— Не всегда... Есть два момента, когда не курить преступление — в кровати после хорошего секса... ну, и на лодке в полнолуние...

Он будто взвился. Черты лица преобразились, как если бы на глазах вживую подтвердилось пророчество:

— Ты не представляешь, насколько ты прав... У неё тоже оказалось... без выбора, — ответил Томер, будто возвращаясь к предыдущей теме, — у Линды... Надав... Ты когда-нибудь заходил к проститутке?

От неожиданности я поперхнулся дымом и, откашливаясь, лихорадочно соображал, что ответить незнакомому человеку на такой вопрос. Бросил наобум и снова угодил в цель:

— У нас толпы приезжих из бывшего Союза¹³. Как сохранить добродетель?

Томера словно прорвало:

— Думаешь, они по своей воле несчастны? — он безнадёжно махнул рукой, — миллионы людей

оказались на грани... Мы не в силах представить себе, что там творилось...

— То, что сейчас в Палестинской Автономии...

— Оставь! Этим захребетникам все тащут по горло... Даже мы... А тех всего лишили. Надав... Её звали Линда... В своей стране, позабытой Всевышним! Сорок долларов за месяц работы! Как прокормить младенца, стариков, себя и неудачника мужа? В проектном институте его не научили воровать! Влип на первой же сделке!

Она нашла объявление в газете... Работа по уходу за пожилыми... У богачей... Не сомневалась ни секунды... Израиль всё-таки... И зарплата — тысяча долларов... За год можно обеспечить семью. А если нет — ждть нечего, сходи с ума! Решилась. Посредники оплатили самолёт. Через два дня улетела в Москву. Оттуда в Каир, в Шарм-а-Шейх. Не представляла, что там открылись ворота в ад... Сутки её с другими девушками везли в фургонах без воды и пищи. Выгрузили в пустыне. Среди бедуинского стойбища. Пересчитали. Старший объявил, что им повезло, что они предназначены в публичные дома Тель-Авива! Затеялся переполох. Линда сорвалась бежать, — кадык Томера сделал трудное движение вверх-вниз.

Я предложил сигарету, он отказался, мотнув головой.

— Её поймали, избили, а вечером хором насиловали у всех на глазах. Очнулась в палатке. Между ног кровь. Хотела умереть, не верила, что это произошло с ней... С девочкой из молдавского городка... Пустыня, бедуины в масках, автоматы. Девушкам дали отлежаться и погрузили на верблюдов... накрыли войлоком. Удовольствие, будто топят в болоте со связанными руками-ногами. Восемь часов на верблюдах! Затем пересчитали и велели идти за проводником. Гуськом, нога в ногу. Ни влево, ни вправо... То бегом, то ползком, то не двигаться. То не дышать, зарывшись головой в песок... Одной, что приподняла голову, двинули прикладом по затылку. Чуть не убили. Слышишь, Надав... Ночью в пустыне песок ледяной... Запросто получить ожог... Знаешь?

Кивнул, хотя ничего подобного не слышал. Томер прикусил губу, словно раздумывая, стоит ли продолжать. Я молчал, ждал продолжения. Подумал: «Пусть выскажется — полегчает».

— Добрались до заграждения... Бедуины плётками погнали на проволоку. Заставили перелезть. Изранились. Платье у Линды пошло на лохмотья, осталась в трусиках.... Не меняла со дня вылета. Эх ты ж... Мечта о сытости! Уже в Израиле, девушки выплакались вволю, согласившись, что ещё повезло. Переход границы

мог вылиться в две недели, всё зависело от опыта контрабандистов и расторопности пограничников...

Яркий свет, вспыхнув, обшарил палубу и ослепил. Томер замолчал, потянувшись рукой к поясу. «Армия...» — подумал я.

— Пограничники... Береговая охрана... — успокоил нас Фридман и заглушил двигатель. Проверят документы и отпустят... Может быть, без проволочек...

В луче прожектора угадывались контуры сторожевого катера, подошедшего к нам. Ури развернул и поднял к лучу морское удостоверение.

Ночь, пять миль берега, пустота без пределов. Делай с нами что вздумается — никто не узнает. Мало ли кому и чем захочется промышлять в море! Ярko представилась неуправляемая лодка, швыряемая волнами... брызги крови, трупы на палубе... Мне стало жутко и мутно. Горько и не по себе.

5

Око прожектора сместилось и погасло. Глазам стало вольготней. Силуэт сторожевого катера растаял — ни воздух, ни вода не сохранили следов. Море берегло свои тайны.

Ури Фридман навис над движком.

— Похоже, приплыли, — проворчал он, —

что-то не заводится... надо повозиться...

Перспектива дожидаться буксира мне не понравилась.

— Фрид, ты обещал, что будем свободны на все четыре стороны... Возможны другие варианты? — съехидничал я.

Фридман пропыхтел что-то в ответ. Томер пошевелился и прикипел ко мне взглядом. Что скрывать, его история не порадовала. Вероятно, я выглядел подходяще, и он снова привлёк моё внимание:

— С другой стороны границы подкатили джипы. Не остановились. Женщин заставили влезать на ходу. Сверху затянули брезентом. Три часа в кузове... В удушье... Так Линда оказалась в Тель-Авиве. У нас! Как там в декларации независимости прописано: еврейское демократическое государство... У нас! — вскричал Томер, голос его дребезжал, как провисшая струна, — без документов, в конуре без окон, с запертой дверью. Набросилась на еду — впервые дали поесть... Клялась: если бы знала, что будет потом, перегрызла бы себе вены. Затем появились перекупщики. Заставили раздеться догола, мерзко осматривали. Ощупывали интимные места, зубы. Велели пройтись, а потом наклониться... Разглядывали в упор, сидя на стульях...

Томер прервал рассказ, потянулся за

сигаретой. Вдохнул и сокрушённо саданул ладонью по рейлингу:

— Невольничий рынок... Рабыни... Представь, в наши дни... Она обмочилась от ужаса. Избили и заставили подтереть своей одеждой. И станцевать напоследок! Твою... Вообрази! Как думаешь, зачем? Зачем так издеваться...

Я знал — зачем. Чтобы добиться от человека беспрекословного повиновения. Чтобы сломать. Но промолчал. Он с дрожью затаился и порывисто выдохнул. Ветер мгновенно угнал дым. Сигарета в его пальцах обожгла воздух, на глазах превращаясь в пепел. Он швырнул в море окуроч.

— Клиенты хотели свежего мяса. Женщин тосовали между борделями, меняли, чтобы «товар» не приедался. Цена рабыни поднималась до десяти тысяч баксов. Линду за пять выторговал Хасан-Бек, горский еврей из Дербента. Увёз в другую квартиру и ночь учил, как ублажать клиента...

— Хочешь, расскажу, что было потом? — остановил я Томера, повинуюсь сиюминутному чувству. Он осторожно посмотрел на меня. Деваться было некуда, если начал.

— Наверняка, Ури предупредил тебя, — сказал я как можно твёрже, — я полицейский... И узнав о преступлении, должен сообщить, куда нужно. Проституция не мой конёк, но я знаю... Когда женщину ввозят в страну, стоимость проезда

и «покупки» объявляют долгом. Бедолага должна работать бесплатно, пока не погасит долг. Большинство девушек возвращает деньги за месяц. Так?

— Линда вернула в первую же неделю. Проклятье! На неё возник сумасшедший спрос, — с горечью ответил Томер.

— Фишка в том, что её сделали вечной должницей. Учужали поживу. Так водится. Либо из-за невероятных процентов, либо из-за штрафов за мнимые прегрешения. Продажа другому сутенёру городит новый долг. Не успела расплатиться — снова продают.

— У Линды отобрали документы, — напомнил Томер, так и сжавшись в каменный ком.

Я почувствовал неладное, всучил ему сигарету и кинулся в каюту. Меня подгоняла солидарность. Плеснул в два стакана, подсыпал льда и поспешил обратно. Томер справился с «Арманьяком» в три рваных глотка. Благодарно боднул головой мне в плечо. Значит, проняло, полегчало. Он шумно вздохнул.

— Сутенёр твердил, что клиенты не любят плаксивых. Что из-за неё теряются большие деньги. Но каждый раз мерзавец приходил и насиловал. Подонку нравилось, как она стонет от боли, и главное, что ещё чувствует боль. Издевался: «Всегда буду последним, сколько бы клиентов ты

не обслужила». Когда у неё появился я, чуть не погубил в первую же встречу...

Ветер сносил слова. Я придвинулся поближе, и Томер, оценив моё намерение, заговорил внятнее и громче.

— В тот вечер я разругался со своей подружкой. Домой возвращаться не хотелось. Решил переночевать в гостинице. Портье поинтересовался, не желаю ли развлечься. Я отказался. Тогда он стал не на шутку фамильярен: «Девочка придёт — что надо! Запердолишь ей, как следует... Будет хорошо». Чтобы отвязаться я принял визитку — «Пусикет и Ко». Уже в номере подумал: «Почему бы и нет?» Позвонил в контору, пофантазировал: «Блондинку с карими глазами и вот такими сиськами...» Но к тому времени, как она, Линда, пришла, успел передумать. Что-то в душе переменялось. Я велел ей возвращаться. Она разрыдалась и, жестикулируя, на ломаном иврите возразила — сутенёр наложит штраф... обвинит, что не угодила клиенту. Я, идиот, был великодушен и пообещал всё уладить. Она поверила. Выпроводил и позвонил в контору. Попросил, чтобы девушку по имени Линда не обижали. По-хорошему попросил. Уважительно. По-братски. Мне клятвенно обещали, я не учуял насмешки. Позже Линда призналась, что откровенность обошлась ей в две тысячи долларов. Две тысячи

зелёных! День её проклятой службы! Если бы ты её видел, Надав... Разговаривать мы не могли, она не знала языка, мы жили в образах. Закрывали глаза, прижимались друг к дружке... Ныряли и... попадали в рай. Она оказалась для меня единственной женщиной...

Я набрался мужества возразить. Это напоминало пощёчину врача при истерике и помогло бы встряхнуть:

— Как будто у неё было что-то, чего нет у других. Правда, Томер?

Мне было показалось, что переборщил, но он не обиделся и, видно, подыскивая слова, ответил:

— Ты вправе думать, что угодно. Твоё дело. Линда действительно устроена иначе. Она раскрывалась жертвенно, как жемчужная раковина... всё ближе и ближе, будто выворачивалась наизнанку... всей душой ради меня... от рождения до смерти. Никогда раньше не испытывал подобного. Никогда. Слышишь, ведь женщин у меня хватало... Однажды спросил её, почему бы ей не сбежать...

Я снова вмешался:

— Наверное, ответила словами сутенёра — полиция изловит и вернёт в бордель.

Томер согласился:

— Верно. Но потом девушку продадут арабам в Газу, откуда никто не возвращался. Я часто

заказывал Линду. Со временем она оттаяла и даже шутила. Откровенничала: «Видела, как верующие, входя в публичный дом, снимают кипу, словно тогда Бог проворонит грех». Но больше всего поражал её наш родной патриотизм. Слышишь, Надав? Время от времени, «фирма» объявляла о скидках для солдат. В такие недели Линде было не до шуток. Даже ходить не могла. Юные воины ненасытны, как шакалы в засуху и, дорвавшись до женского тела, оставляли синяки, следы от зубов. Они не были жестоки, лишь неумелы. Наркоманы оказались страшнее детей. Последний клиент, законченный импотент, обвинил Линду в своей неспособности. Слой пудры не скрыл следов его злости. Этот недоносок обещал прийти снова. Линда попрощалась со мной, как в последний раз. Ничего не помогло. Сломалась. Просила оставить её в покое. Я не мог. Не мог оставить в покое... почему, знаешь? Потому что полюбил всем сердцем, полюбил так, как мать любит своего младенца, как праведник Бога, как ростовщик деньги... Ох, Надав... Она задала мне тяжёлую задачку...

Раздался хлопок. Это был лишний звук. Будто выстрелили из ствола с глушителем.

Оказалось, Фридман справился с двигателем. Но заглушил, чтобы не мешать нам, и отправился вздремнуть в каюту. Томер дождался, пока его спина не исчезла за дверью.

— Признайся, — попросил он, — ты ведь наведывался в квартал «красных фонарей» в Тель-Авиве?

— Приходилось... По работе, — ответил я.

— Какая разница, — вздохнул Томер, — значит, бывал, видел... На другой день я решил туда заглянуть... Грязные улицы. Замызганные фасады домов. Много огней, света, что ни шаг — «Массажный кабинет». На рекламном щите «Пусикет и Ко» голая женщина в образе каракатицы. В каждом щупальце по фаллосу, вот такому члену. В дверях охранник с шокером и дубинкой...

И тут он воскликнул воспалённо:

— Господи! Кто скажет! Надав, ты же в полиции! Большой чин! Хоть намекни! Израиль, родина! Такая тёплая страна! Миллионы верующих, государственная религия, в каждом районе десятки синагог! И эта раковая язва — бордели? Где же закон? Ведь запрещено! Что происходит с нами? Надав! Где ты? Где власть?

Я почувствовал, что не сумею ответить достоверно, слишком много сросшихся противоречий. Но постарался:

— Закон не даст их закрыть, если не доказать, что женщины попали туда нелегально или содержатся насильно. У нас запрещено сутенёрство, но любая женщина вольна делать со своим телом всё, что ей вздумается.

— Даже за деньги? — покачал головой Томер.

— Даже так, — подтвердил я, — если ею не заинтересуется налоговая служба. Представь, у тебя любовница, и в каждую встречу ты даришь ей презент — двести шекелей. У проститутки таких щедрот пару десятков в день. Кто запретит? Согласен, она не в ладах с моралью, но и законов не нарушает.

Жёлтые огни полыхнули в глазах Томера, похожие на прибрежные отсветы:

— Линда говорила, что блюстители порядка тоже лакомятся в борделях...

Тут пришёл мой черёд сыграть комическое возмущение:

— Действительно, какой ужас! Полицейский, символ законности и правопорядка, застукан в борделе...

Конечно, он воспринял сарказм, и я перешёл к активным действиям:

— Что дальше, Томер? Посещение проститутки не сочетается с корпоративной этикой? И что? Никого не выгораживаю, но взгляни на ситуацию проще. Потянуло мужчину на

сладенькое, пошёл в публичный дом, выпустил пар и вернулся домой, к жене. Будет лучше, если он заведёт любовницу надолго или возьмёт женщину силой? Не потому ли государство смотрит сквозь пальцы на проституцию? Полиция не вмешивается в жизнь бардаков вовсе не из-за своей продажности. Вокруг сексбизнеса всегда крутился криминальный мир. И становился виден, как на ладони. Сутенёров часто использовали, как осведомителей. Я тебя убедил?

Томер сначала усмехнулся, сжав губы, и после ответил напрямик:

— Нет. Линда собственными глазами видела, как деньги переходят из рук «котов» в руки офицера полиции. А полицейский офицер предупредил хозяина борделя о налёте полиции...

Я поднял руки с открытыми ладонями:

— Оборотни в погонах существуют кругом, в любой стране и структуре. Их надо ловить и судить со всей строгостью закона. Парень, ты мечтаешь изжить проституцию в нашей стране? Так это не ко мне, а в Кнессет¹⁴. Такие дела не решаются с кондачка на рыбацкой палубе.

В ответ Томер с готовностью протянул ко мне руки — так, чтобы я мог надеть ему наручники. И выдержав паузу, сказал:

— Надав, можешь арестовать меня сейчас же. Я в твоей власти. Охранник на входе попытался

меня задержать. Поплатился двумя передними зубами, сломанным носом и затяжным нокдауном. Хасан-бек сбежал через заднюю дверь. Линда сейчас у меня, но так продолжаться не может. В Молдавском консульстве требуют документы. Их у Линды нет. Прости меня. Ури сказал, что ты можешь помочь... Отправь Линду в Молдавию... Она соберёт дочку и вернётся. Слышишь, арестуй меня, или... помоги... Большого мне не надо, я люблю жизнь, а Линду люблю больше жизни. Наплевать, что не еврейка, пройдёт гиюр¹⁵ и поженимся...

Он умолк. Прежде, чем ответить, я постучал в дверь каюты.

— Фрид, старый стрекулист, вернись к нам, ещё не конец света...

Конечно, я не собирался обидеть давнего приятеля. Зато намекнул, что он мог бы предупредить заранее. Ведь знал, как не терплю, если меня оставили без выбора.

— Надав, где мне, пенсионеру, — принялся оправдываться Фридман, но я остановил его.

— Ури, дело в другом. Я могу помочь Линде вернуться домой. Доберётся, дальше что? Решить другую проблему не в моих силах. Мафия во всём мире едина. Подобно каракатице из борделя, она распустила щупальцы везде. Слушай, Томер, внимательно. Кто-то продал твою Линду, а кто-то

купил, она чья-то собственность. Пойми, если не случится чуда, её найдут и вернут обратно, но вовсе не в качестве твоей жены.

— Помоги. Буду готовиться к любой неожиданности, — попросил Томер.

В его голосе плавилась непреклонность, и я, поколебавшись, согласился. Дал слово. Оставалось сдержать обещание.

7

Судьба преподнесла нам субботний сюрприз. Смутно мерещилась логическая цепочка. Томер натянуто улыбнулся. Я дожидался ответа. Лишнего, как писуар в дамской уборной. Ведь многое и без того прояснилось.

— Чудо? — переспросил он, повернувшись к Дане. — Вот... она... моё чудо...

Понятно, тема Линды закрыта. Интересно было бы узнать подробности. Дана храбро молчала. Значит, и её мучило любопытство. В высшей степени неучтиво оставлять её в неведении.

— Однажды мы с твоим другом ловили локуса в море, — объяснил я.

Сначала она не нашлась, что ответить. Но погода спросила:

— Вот как... Однажды... Надеюсь, это было необременительное знакомство?

Я понимал, к чему она клонит. Её всполошила причастность Томера к моему полицейскому прошлому. Всегда поражался женскому нюху. Наитию. Возможно, логике. Или отсутствию логики. Или всему вместе. Я снял очки. По привычке — если сразу не находил ответа. Куснул пластиковую дужку. Решил увильнуть от прямого ответа:

— Французы в таких случаях говорят: «Accord parfait!16»...

— Забавно... — сказала Дана, — вот что, дядя Надав... раз уж Швабы пригласили к обеду... почему бы тебе не присоединиться?

Схитрила малышка, подсунув мне роль амортизатора. В действительности, трапеза со Швабами удовольствие сомнительное — всякому, кто не голубых кровей. Я-то для них свой, их дед Арон и мой дед Давид к султану Осман-Паше без стука входили. Дану Швабы терпели с почётной снисходительностью — бесполезная «штучка», но как-никак, собственная. Томера они могли сожрать без сожаления.

— Даст Бог, не выгонят, — согласился я.

— Преувеличиваешь... Кто посмеет возвысить на тебя голос, — подхватила Дана Томера под руку и потянула ко входу.

Томер нахмурился, конечно, его обременяла перспектива оказаться в чужой тарелке.

Чувствовалось, в Кейсариин он впервые. Вряд ли барон Эдмонд Джеймс де Ротшильд, выкупив земли на побережье, представлял себе, что цена домов у взморья менее, чем через век, составит миллионы долларов. Вместо развалюх среди барханов, куч мусора и чахлой зелени красовался элитный город. Виллы, рестораны, кафе, магазинчики, музеи, клубы и прочие завлекаловки, вплоть до золотых пляжей.

Дана, торопя события, раздвинула ворота. Они качнулись бесшумно, как парусник, хапнувший блудного сирокко.

— Швабская обитель к вашим услугам! — провозгласила она, будто приглашая в прибежище богов.

Усадьба могла шокировать кого угодно, от бездомного бродяги до искушённого агента недвижимости. Томер молчал, сконфуженно созерцая выгнутый овал бассейна, взятого в нежнейший туф, фонтан, ландшафтный парк с экзотическими деревьями, площадку с тренажёрами, крытую автостоянку. Всё великолепие охватывал забор цветного кирпича, весь в мозаике с кварцевой крошкой. Вход в дом венчали стеклянные, от стены до стены, двери. В глубине гостиной ожидали гостей Швабы. Они, бесстрастно разглядывая нас сквозь панораму «французского окна¹⁷», напоминали запечатанные

консервы. Вблизи художественное стекло заново искажило явь — обеденного стола, за которым сидели Швабы, не наблюдалось и чудилось, что в воздухе парят, вроде индийских йогов, высокомерные восковые куклы. Прежде всего, бросался в глаза Бенцион — глава семейства, восьмидесятилетний старик с львиной гривой, вызывающей зависть. Время припорошило волосы сединой недавно, после смерти жены Деборы. Лицо в глубоких морщинах и пигментных пятнах выглядело одновременно посмертной маской и оттиском благородства. Прямая осанка казалась копилкой энергии и сарказма. На протяжении лет Бенцион слышать не желал о сиделке, лишь в последние годы позволил младшей дочери Далии ухаживать за собой. Где угодно, но не на людях.

Она сидела по правую руку от отца — изящная, с тонкими плечами, вьющимися волосами цветом в горький шоколад и пучиной глаз с зелёной подсветкой из глубины. В них крылась пагубная тайна. Каждый, кто хоть раз туда заглянул, напрочь забывал, зачем пришёл. И я, грешный, не исключение.

Марк, её брат, на бытующем сленге «сэндвич», был сухой и жёсткий, как ирландский бифштекс. Ему не досталось ни решимости покойной сестры Дины, ни мощи брата Залмана, ни мягкой настойчивости Далии. Казалось, их

личности сжали его, как половинки бутерброда, выдавив наружу нечто аморфное, среднее между расторопным управляющим банка и осмотрительным педофилом. Очки, лысина, галстук и бесцветная улыбка губ, узких, как лезвия бритвы.

Дана, вздохнув, шагнула вперёд, двери едва слышно разъехались в стороны. Полновластно загромыхал реквием, будто густая жидкость вытеснила из помещения воздух. Почудилось, что дышать нечем, и поздно искать спасение. Словно, через порог начинался отвергнутый мир. Гостиная — стены, портьеры и мебель выдержаны в строгих прозрачно-светлых тонах. Повсюду картины и чёрно-белые фото. Богатые рамы, такие я видел, кажется, в Лувре или Эрмитаже. Над креслом с высокой спинкой фотография Арона Шваба с бароном де Ротшильд. Пронзительный взгляд первопроходца — что у одного, что у другого — аппетита никому не прибавлял.

— Гут Шабес18, - проскрипел из кресла Бенцион голосом, заставлявшим вернуться в детство. О чём бы он ни говорил, всегда казалось, что озвучивает Скрижали Завета19.

— Гут Шабес, — ответил я.

— Гут Шабес, — пролепетала Дана.

Томер, ослеплённый роскошной сдержанностью дизайна, хмуро молчал.

— Отец, к чему пустые разговоры, я голоден.

Давно пора к столу. Пусть милые друзья присоединяются, поговорим после кидуша, — привычно проигнорировав приветствие, заявил Марк. Перегнувшись через подлокотник кресла, он в упор рассматривал незнакомца, и то, что видел, ему явно не нравилось.

Далия, не сводя глаз с Томера, кокетливо сморщила носик.

— Мы ждём Залмана, — отрезал старик.

В наступившей тишине стало слышно, как на лбу барона развлекались две сытые мухи. Я подошёл к фотографии, чтобы положить конец кощунству. Хоть ненадолго оградить от житейской тины прихотливую связь времён и событий. У меня в семейном альбоме хранилась уменьшенная копия оригинала.

8

Откиннутая спинка кресла позволила мне расположиться свободнее, почти прилечь.

— Дедушка, — голос Даны дрогнул от обиды, казалось, она не выдержит и вот-вот расплечется, — познакомься... мой парень, Томер Кальдерон...

— Вижу... Звучная фамилия, — просипел Бенцион, по-старчески причмокивая губами, — сочная... взятая, как напрокат, из испанской

истории: Кальдерон, Толедано, Кордоверо, Монтефиоре... Твой дед без запинки мог назвать адрес старинного поместья в Арагоне и всю родословную со времён Колумба, а то и раньше. Наши шлимазлы²⁰ вообще забыли о своих корнях... Как им — всё сгорело в печах Освенцима! Шнейдеры, Блюментали, Абрамовичи, Розенберги... Последнее, что у них осталось, так это память о еврейском местечке, откуда вышли сами или кто-то из предков. Я тоже...

— Холокост, — вставил некстати Томер. Все напряглись, прерывать старика не позволялось даже Залману, — нас, сефардов, как неразумных щенков, напрудивших лужу в салоне, при каждом удобном случае дрессируют геноцидом европейских евреев. Такого, как в Европе, — с вызовом продолжил он, — в Африке не случилось. Но для Магриба вторая мировая война не прошла даром. Не все пережили...

— Шварце хае²¹, - в полголоса пробурчал Марк, — ещё одного Амихая в нашем доме не хватало...

— Марк, что за бестактность... — вмешалась Далия. — В нашем доме... Тоже мне борец за чистоту нации.

— Узнаю мою беспристрастную сестричку... — Недоумённо приподнял руки Марк, — и разве, правда — грех? Злейший? Хуже

зависти? Страшнее убийства? Позорнее прелюбодеяния? Хочешь сказать, что тебе ничего не известно об этом?

В глазах Далии вспыхнула зелёная глубина. У меня защемило в груди. Марк слыл расчётливым оратором. Брошенный в Далию камень, зацепил и меня. Я отыскал среди настенных часов те, что показывали правильное время и сосредоточился на них. Остальные, казалось, давно перестали заводиться.

— Ша! — снисходительно возмутился Бенцион, — постеснялись бы грызться. В доме гость.

Я заметил, как Дана сжимала пальцы Томера, а он из кожи лез урезонить Марка. Много помнилось из его откровений на посудине Ури Фридмана. К примеру, о том, как он, десятилетний марокканец, делал первые шаги в Беер-Шеве. Тогда, в конце девяностых, отвага считалась дефицитным товаром. Юный лоботряс из Румынии, имея тюремную «выкидуху», почитался королём школы. У Томера не было средств на такую. Пришлось отобрать боем. В тот день многие захотели стать его другом. Тогда он получил первый урок — отвага выгодна. В армии эта наука не раз подтвердилась. Но также обнаружилось, что нищему за милости имущих платить нечем.

— Ничего страшного, я привык ценить

всякую позицию, — ответил Томер старому Швабу.

Марк медленно зааплодировал и, проглотив зевок, съязвил:

— Кредо смельчака, позволяющее претендовать на исключительность...

Дана сделалась пунцовой и бомбила меня умоляющими взглядами. Но я молчал, опыт подсказывал не вмешиваться в сиюминутные семейные разборки. Неблагодарное дело. В конце концов, останешься виноватым.

Далия испытующе посмотрела на Томера. Слишком долго — наверное, чтобы привлечь его внимание. По моим наблюдениям, она не умела не лезть не в свои дела.

В кресле под фотографией пошевелился Бенцион:

— Что ж, молодой человек, такие мужчины, как ты, солнце в полдень заслоняют. Можно порадоваться за Даночку. Пару слов о пресловутой смелости. Один приятель, тоже выходец из Африки, когда я признался, что болен раком, посочувствовал: «Тебе, Бенцион, хорошо, ты уже болен, а я должен продолжать бояться». Помнишь, что сказал покойный Дуду Топаз22, о марокканских евреях? Что все они заражены роковым синдромом «Нам, бедным и несчастным, должны все». Так вот. Хватит плакаться — идите работать! Никакой дискриминации в Израиле не существует и не

существовало.

Я впился взглядом в лицо Томера, ожидая, что он оскорбится. Тщетно, даже если и покраснел, не видно, что оливковая кожа изменила окраску. На удивление он спросил спокойно:

— Есть что-то хуже, чем родиться в Израиле восточным евреем?

— Болеть раком и диабетом одновременно.

— Нет, господин Шваб. Хуже родиться восточным евреем и одновременно заболеть раком и диабетом. Это намного меньший шанс дожить до вашего возраста. Восточные евреи составляют почти половину еврейского населения Израиля — но до сих пор их присутствие заметно в кварталах бедноты и в тюрьмах более, чем в офисах и элитных посёлках...

Тут я счёл нужным вмешаться, словесная дуэль зашла далеко, не случилось бы слишком. Нужно было погасить страсти, перевести беседу в безопасное русло:

— Break, — поднял я руку жестом судьи, — должен напомнить. Евреи давным-давно разделились на ашкеназов и сефардов. Сефарды считали себя элитой, были образованы и зажиточны. Покинув Испанию из-за погромов, осев в других уголках Европы, стали притеснять местных евреев, ашкеназов. После Второй Мировой сефарды толпами ринулись в Израиль. Ашкеназы,

успев учредить государство, не забыли о прошлых обидах. И, как ни грустно, оказались квиты. Но теперь в Израиле всем нужно держаться друг друга. Из общих врагов нам достаточно арабов и лета.

Отношения между общинами были больной темой Марка. И он постарался опрокинуть мой примирительный спич:

— Умничка Голда²³ утверждала — тот еврей, кто говорит на идиш²⁴. Она была истинным патриотом Израиля. Кто поспорит?

Я подумал — что делать остальным, если исходить из этого посыла? Тем же восточным евреям? Чернокожим, жёлтокожим, узкоглазым и не очень? Израильская элита склонна рассматривать их, как не вполне полноценных. Примитивных и ленивых выходцев из периферии, носителей самых нелестных наклонностей и болезней.

В той же окраске звучал сионизм, провозглашая будущий Израиль «маленькой Швейцарией», прибежищем для эмигрантов из Европы. Присутствие восточных евреев в нём не ожидалось.

Но вскоре планы «большой европейской репатриации» потерпели крах. Барачной жизни в возрождённой стране большинство выживших после Холокоста евреев предпочли «страдания» в европейской или американской диаспоре. Не

сбылась и мечта о тотальной эмиграции евреев из советской империи. Израиль испытывал жгучую нехватку рабочих рук и штыков для защиты исторического Отечества. Вопрос привлечения эмигрантов с Востока снова встал на повестку дня. И, хотя эта идея казалась пагубной, страна открыла объятия «восточным братьям».

В те времена по выпускам новостей создавалось впечатление, что Израиль сплошь заселён выходцами из Европы и Америки. Фамилии и облик израильской элиты легко подтверждали это. Но стоило отклониться от привычных туристических маршрутов, как лица граждан свидетельствовали обратное.

Ожидание затягивалось, пришлось форсировать события, чтобы покончить со щекотливой темой.

— Прости, Бенцион, — обратился я к патриарху, осознанно поддерживая устоявшиеся каноны, — боюсь, мне придётся поспешить домой, чтобы утолить голод... Мааян как раз приготовила фаршированную рыбу. Сам знаешь, Арон Шваб в своё время сперва кормил гостей и только потом раздавал пилюли.

— Ой, — восторженно вскрикнула Далия, — совсем забыла...

Она метнулась на кухню и, вернувшись, ссыпала таблетки в сухую горсть старика.

— Спасибо, дочка.

Марк не преминул благодушно съязвить:

— Как мило! Рьяная забота дочери о дорогом папе в последнее время приятно изумляет.

— Уж извини, Марк, но пока жива, не решусь оставить присмотр за отцом на тебя, — ответила Далия с подчёркнутым достоинством и добавила тише, — он мне дороже жизни.

Бенцион запил лекарство и устало прикрыл глаза.

Начав атаку, я не намерен был отступить:

— Горячие еврейские парни могут продолжить спор, а девочек, пардон, уведу с собой.

И в подкрепление своих слов я поднялся.

— Мы ждём Залмана, — сухо ответил Бенцион, теребя подбородок, — но ты, Надав, прав — баста!

Для меня вырисовалась отчётливая картина. Томер, приняв вызов, готов был ответить на любой выпад Марка. Марк послушаться воли отца не смел. Лицо главы рода, хозяина, напоминало гранит. Каждый изгиб вопил о гении скульптора. Все молчали, стараясь не обратить на себя его гнев. Но досада вырвалась на простор. Кулак старика, белый, как снег на вершине Джомолунгмы, обрушился на стол:

— Чёрт возьми!!! Мне надоели фаршированная рыба, шницели, таблетки и пюре!

Я восхищённо проследил за траекторией его тарелки. Она, подпрыгнув, взлетела над столом и со звоном упала, рассыпалось по полу содержимое. Все скукожились. Лишь в лице Томера — его выдержка оказалась отменной — ничего не изменилось. Посуда у Швабов была превосходной, тарелка даже не треснула.

Издалека снова послышался гул машины.

9

— Тогда равиоли? — невинно спросила Даля, ныне пребывавшая в вегетерианстве, и лёд тронулся. Стены вздрогнули от хохота, оборвавшегося с появлением Залмана. Даля прикипела ко входу взглядом. Сгорбившись, кашлянул в кулак Марк. Вздрогнула от неожиданности Дана — Томер, вытянувшись в полный рост, воскликнул с радостным облегчением:

— Вот, наконец, и балабуст**25** ?!

Дана стеснительно потянула его за руку:

— Дождались. Погоди, сядь... Хозяин здесь не Залман, а дедушка Бенцион.

— К слову, давно заметила, что Залман об этом стал постепенно забывать, — подхватила Даля.

— Какая это забывчивость! Его и раньше

распирало от самомнения, — подхватил Марк, — согласись, наш братец вовсе не против прибрать всё хозяйство к рукам...

— Кажется, у нас гости? — спросил Залман, не сводя глаз с Томера и пропустив мимо ушей демарш сестры и брата.

— Привет, дядя... Это Томер, мой друг, — ответила за всех Дана, — сто лет с тобой не виделась... Соскучилась... Правда...

Далия выставила на середину стола блюдо, аппетитно выложенные равиоли с маслинами и тёртым сыром, приправленные томатным соусом. Пошёл немислимый аромат, я чуть не захлебнулся слюной.

Далия помогла Бенциону встать. Все поднялись следом. Старик поправил кипу и налил вино в кубок, не пролив ни капли. В который раз я поразился величественной мощи этого человека, осколка титанов, взрастивших Израиль на осушенных болотах и песках. Бенцион покрыл халы белоснежным шёлком, раскрыл молитвенник. Будь я художником, вышел бы ярчайший холст. Марк смотрел на Залмана. Залман на кубок с вином. Дана на Томера. Томер и Далия друг на друга. Странные дела творятся в Швабской империи, — думал я, трогая зубами дужку очков.

Зазвучали слова кидуша:

— День шестой. И завершены были небо и

земля, и все воинство их. И завершил Бог в день седьмой работу Свою, которой занимался; и покоился в день седьмой от всей работы Своей, которой занимался. И благословил Бог день седьмой, и освятил его, ибо это был день покоя от всей работы при Сотворении мира.

Вслушайтесь, господа, прошу внимания.

Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, сотворивший плод виноградной лозы!

Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, освятивший нас Своими заповедями, благоволивший нам, и давший нам в наследие по любви и благосклонности, святую Субботу Свою в память о Сотворении мира, первый из святых праздников, напоминающий о выходе из Египта. Ибо нас избрал Ты, и нас освятил среди всех народов, и святую Субботу Свою по любви и благосклонности дал нам в наследие. Благословен Ты, Господь, освящающий Субботу!

Голос Бенциона в отличие от повседневного — ворчливо скрипучего — звучал просветлённо. После каждого благословения мы все, забыв о распрях, отвечали «Амен!». Евреи не меняются, сплачиваясь во время молитв и воен, в мирное же время они готовы сожрать друг друга, словно злейшие недруги.

— Сабри, маранан!**26**

— Лехаим!**27** — дружно ответили мы и

кубок пошёл по кругу.

Марк, переместив приличную порцию в свою тарелку, довольно потёр руки:

— А не взбодриться ли нам вином? Что скажете, господин Кальдерон?

— Не откажусь.

— Красное или белое?

— Красное, — решительно ответил Томер, поглядывая на Далию.

Зря, зря отвлёкся, иначе сумел бы вовремя раскусить подвох. Неугомонный оказался — я думал, скапустится паренёк после Линды, а он, не успев предстать хахалем племянницы, положил глаз на её тётку. Спорить не стану, женщина эффектная, но ухаживать за ней такому месье не по карману. Тут променадом по Тель-Авивской набережной не обойдёшься. Я в своё время не потянул, куда уж ему.

Марк открыл дверцу винного бара:

— Испания, Италия, Франция, Аргентина или предпочитаешь наше, отечественное?

— Испания, — решил наобум Томер, понимая, что попал впросак.

— Прекрасный выбор, именно испанские рэдвайны считаются одними из лучших. Риоха, Приорат, Рибера дель Дуэро, Андалуссия?

— Это что?

— Это? Бог мой! Районы в Испании, где

производят качественное красное, или ты не знал? Ни за что не поверю, что такой бравый офицер за субботним столом пробует дешёвые вина.

— Андалуссия, — скрипя зубами, отказывался идти на конфронтацию Томер.

Мне стало его жаль. Остальные наслаждались спектаклем. Даже моя плутовка Дана. Лишь Залман поглядывал на всех неодобрительно.

— Херес? — изумление Марка казалось неподдельным, — это же аперитив? Креплёное вино в начале трапезы полный моветон. К тому же, господин Кальдерон, ты не обратил внимания на бокалы, они вовсе не смахивают на тюльпаны для хереса.

— Марк, прекрати паясничать, — заступилась за Томера Далия, — выбери вино сам.

— Может, гость предпочитает анисовые напитки, так увольте, арак в доме не держим, — не унимался Марк.

Бенцион ел равиоли, по его каменному лицу трудно было понять осуждает ли он поведение сына. Залман хмурился, делая вид, что полностью поглощён аутентичностью героев картины «Арон Шваб и барон де Ротшильд в кибуце на берегу озера Кинерет».

— Риоха, Приорат, Рибера дель Дуэро, — напомнил довольный Марк.

— Приорат, — сделал следующую попытку

красный, как флаг революции, Томер.

— Приорат, — протянул Марк, — посмотрим... так... так... отлично. Есть изумительная бутылочка Camins del Priorat урожая две тысячи девятого. Подойдѣт!?

— Вполне....

— Что ж, обратимся к справочнику, — Марк выудил из книжной полки тяжѣлый фолиант, полистал, потешно шевеля губами, затем принялся бормотать, словно для себя, но так, чтобы все слышали, — Camins del Priorat... вино... два в бочке-баррике и ещё год в бутылке. Нет, господин Кальдерон, пальцем в небо, справочник рекомендует пить Camins del Priorat в апреле этого года, а на дворе, — он картинно вытянул шею к стеклянной двери, — непогода, конец февраля.

В подтверждение его слов снова гроыхнуло и хлынул дождь. Марк показал Богу большой палец.

Далее обед проходил в полном молчании. Швабы вообще немногословны. Устроив показательную порку, они тут же успокоились и замкнулись. На самом деле люди они хорошие. Со сложным, порой трудно переносимым характером, но добрые и отзывчивые. Тот же Марк, к слову, стоит во главе общества помощи беспризорным подросткам, посвящая им не только львиную долю свободного времени, но и средств. Залман, в

недавнем прошлом руководитель одного из отделов Управления не раз жертвовал жизнью ради безопасности страны. Встретить его дома в Кейсарии можно было разве что по большим праздникам, всё остальное время он посвящал работе. Далия, несчастная женщина. Сперва на её плечи легла забота о больной матери, более десяти лет она ежедневно меняла ей постель. Теперь Бенцион. Всему, что в жизни делали братья и сестра, они отдавались нацело, как цветы солнцу. В результате ни семьи, ни детей.

Опостылев друг другу почти до ненависти за десятки лет жизни в одном доме, они, тем не менее, не торопились разбежаться. Если спросите меня — причина не в стычках за наследство, где каждый ревностно следит, сколько времени кто-то провёл с отцом наедине. Однажды Далия спросила, зачем утром я встаю с постели. Работа, голод, жажда, нужда опорожниться... Когда я закончил перечислять, она назвала свою причину — любовь! И тогда я подумал: «Если так сильна её любовь... То какова ненависть?»

10

Покончив с обедом, все разошлись по интересам. Далия увела Бенциона колоть инсулин. Старик при посторонних не желал выказывать

слабости. Возраст и болезни мало отразились на его характере. Дана утащила Томера показывать бассейн. Марк, пощипывая бородку, прикипел к телевизору.

Мы с Залманом устроились на террасе. Курить в доме старик категорически запрещал. Я в кресле-качалке, Залман в лавсит из ротанга. Неспешно закурили. Я думал, разговор зайдёт о Дане. Вот ведь яблоко съяблоней... Её мать Дина, старшая дочь Бенциона, в своё время тоже наткнулась на марокканца. Поначалу семья особенно не беспокоилась. Гуляет девочка — кто не бузил по молодости, а она возьми и выскочи за него замуж. На втором месяце беременности. Скандал получился колоссальный! Бенцион пригрозил лишиться наследства, но куда там. Тоже офицер был, как Томер. Высокий, статный, чернявый — одним словом, экзотика. Дина гору посуды разбила, Залману с Марком физиономии отрихтовала, а напоследок, плюнув на наследство, была такова — ушла из дому бедовая девка. Насовсем. Пора рожать, а муж, от судьбы не спрячешься, погиб в Первую Ливанскую.

Странно, но Залмана встреча с другом Даны не тронула — казалось бы, должна задеть, ведь снова в жизнь Швабской обители просочился марокканец. Но Залман заговорил о гостиничном бизнесе. После того, как ушёл из органов, у него

нарисовались амбиции паладина. Задумал расширить семейное дело.

— Весной пахнет, неделя другая, и о такой прохладе скучать станем, — завёл он неторопливый разговор уверенного, не боявшегося никуда опоздать человека. На неделе киприотов принимаю...

— Согласились? — искренне удивился я.

Залман держал меня в курсе событий — наверное, уважал, если советовался. К тому же, по договору между нами, братья обязались ставить меня в известность о любых финансовых операциях на сумму свыше ста тысяч шекелей.

Залман рассмеялся так искренне, что тяжёлый осадок, оставшийся после обеда, рассеялся, как евреи по миру после падения Храма. Послышался счастливый хохот Даны, мы одновременно повернулись на её голос. Она пыталась взобраться на финиковую пальму, Томер делал вид, что всеми силами пытается ей помешать.

— Редко, очень редко мужчины позволяют себе радоваться, как женщины, — проговорил задумчиво Залман.

— У Томера имеются веские причины.

— Любовь? Я вовсе не о ней, — оборвал меня Залман, — я о бизнесе. На службе приходилось таких людей уговаривать, что киприотам не снилось — а они, представь себе, ополчились на

меня, как малые дети. Три гостиницы, одна в Никосии и две на побережье. Старик лично слетал на остров и одобрил.

— Глыба, а не человек, — восхитился я, — восьмой десяток разменял, но, что касается долгосрочных семейных вкладов, ни на кого не надеется.

Казалось бы, капитан за штурвалом и судно справляется с намеченным курсом. Но, признаться, меня часто посещали тревожные мысли. Сейчас, например, и я добавил:

— Залман, что дальше? Все слышали о Швабской империи, и никогда о воспреемнике... Хотелось бы увидеть тебя под хупой²⁸... Давно мечтал. Извини за откровенность...

— Надав, Надав... Тебе — можно. Что ж, думаю, скоро... Ну, да — есть намётки... Придётся, пока не поздно, просить у отца благословения... Но сначала, — Залман настороженно обернулся, — старик давно сказал, что отдал бы империю в мои руки, да Марка жалеет. Ты же знаешь, у него проблема... Медицина бессильна, классическое бесплодие... Зато возомнил себя выдающимся бизнесменом, но мы-то знаем — позволь ему поучаствовать в принятии решений, крах компании неизбежен. Он готов отдать последнюю рубашку малолетним засранцам, из которых потом вырастают вот такие героини-любовники, — кивнул

он на Томера.

Тот перестал хватать Дану за ногу и, кажется, посмотрел в нашу сторону.

— А что с ним не так?

— Убедительный кот. Думаешь, он в Дану втюрился? Смешно! Держу пари, что чувства вспыхнули в тот момент, когда он узнал, что она из нашего семейства. Ладно с ним, — Залман рассмеялся, — Дана тоже не дурочка, забыла, небось, рассказать, что злой и несправедливый дед Бенцион лишил её мамочку наследства.

— Залман...

Он поднял руки:

— Молчу, молчу. Где купил? — спросил он, подозрительно ощупывая ткань жакета, — у арабов в их крутой столице Рамалле?

— Настоящий «Армани», три тысячи чистоганом, кашмирская шерсть, — принял я обиженный вид.

— У меня Бони спит на такой.

— Кто такая Бони, очередная пассия?

— Нет, Бони — моя собака.

Мы захохотали, забыв о киприотах, Швабском наследстве и Даниных мальчиках. Завтра на пенсию, почему не порадоваться жизни прямо сейчас.

— Феномены наших магазинов: на площади Государства можно выложить целое состояние за

тройку от Версаче, зато в районе старого автовокзала всего за двадцать долларов вам предложат гардероб на целый сезон, — заключил я, отсмеявшись, и Залман не преминул согласиться.

Оказалось, Томер не только герой-любовник, но и великолепный игрок в нарды. Такой же сумасшедший, как я. Мы провозились до темноты. Мальчишка умудрился поставить меня... Меня! В марсовую позицию! Я рвал и метал. Сражение обещало затянуться до утра, так что у Швабов не оставалось выбора, как поступиться своей щепетильностью и оставить его на ночь в усадьбе. Я подмигнул Дане. Комбинация была разыграна с её подачи и с моей помощью безукоризненно.

Когда я, наконец, попал домой, от меня пахло хорошим табаком, дорогим коньяком и отличным настроением. Предыдущим достойным игроком оказалась русская примадонна, кудрявая, словно, пудель и скрытная, как брачный аферист. Люди поговаривали, известная певица. Фамилию я не запомнил, но ярлычок Примадонна — вполне достаточно, чтобы знать, о ком речь. Она пряталась от любопытных соседей и журналистов за высоким забором в собственной вилле с бассейном и садом. Виллу охраняла лучшая в Тель-Авиве фирма. Познакомил нас Цвика Пик²⁹ на банкете у Швабов, и с тех пор мы иногда коротали вечера за нардами. Но мадам внезапно, не оставив достойной замены,

подалась к себе на родину.

Мааян спала или, во всяком случае, делала вид, явиться на шум не соизволила. Спали мы давно раздельно, в разных спальнях. Лишь по субботам разделяли супружеское ложе. Мааян у меня умница, врач. Сказала — «для семейной жизни так лучше». Я спорить не стал. В гости ходим по желанию — вместе или врозь, но без обид. Она знает, насколько я загружен работой, я знаю насколько она.

Спать хотелось ужасно, но поступаться традициями — последнее дело. Овал ростового зеркала отразил элегантного господина с причёской в стиле «бильярдный шар». Она позволяла мне выглядеть настолько безобидным, насколько это возможно для лысого субъекта ростом за метр девяносто. Пару лет назад решился на тотальное бритьё головы. Это помогло мне чувствовать себя увереннее. Сняв редеющие волоски, я перестал ощущать себя дедуганом. Определить, сколько мне лет, благодаря новому имиджу, стало намного сложнее. Высокий, худой, слегка сторбленный под тяжестью лет, плюс бледное лицо, открытое солнечному свету лишь по большим праздникам. Под стать физиономии костюм цвета жевательной резинки. И круглые очки с толстыми дужками, далёкие от модных моделей. В общем и целом, господин Турман — грешно жаловаться.

Завтра поеду в Хедеру к знакомому аптекарю,

куплю свежей «Виагры», порадуя ненаглядную матушку. И это была последняя мысль, после которой меня медленно, но неудержимо потянуло на глубину.

11

Я открыл глаза и недоумённо сел в кровати. За окном мрак и космическая тишина. На часах четыре. «С какой стати!» — вскипел я, но тут же остыл. Сегодня первый день моей абсолютной независимости, плестись на работу недоспавшим и разбитым не придётся. Попытался понять, что меня пробудило. Перебрал лишнего у Швабов... Вроде, нет, голова свежая, работает исправно. Вот... опять... Словно, рассерженный шмель сновал между оконных створок в поисках выхода. Удар, сердитое жужжание... Снова удар и снова раздражённый баритон попавшего в плен насекомого. Третье столкновение со стеклом оказалось последним. То ли треснула хитиновая оболочка, то ли отыскалась открытая форточка. Счастливо улыбаясь, я откинулся на подушке. Заурчал от удовольствия, потянулся до хруста в суставах. Как же хорошо спать одному. Укутался поплотнее. Представил песок на кейсарийском пляже, мелкий и чистый. Раннее утро, клочья тумана. В прозрачной воде островки каменистого

дна.

Блаженное погружение прервал истошный вопль. Взметнулся, как эхо из пропасти. Где-то рядом кричала женщина. Кричала так страшно, что впору было уповать на кошмар. Дверь распахнулась, влетела взъерошенная Мааян в нежно-розовом шифоне с кармашками и шортиками в целомудренных рюшах. Словно в насмешку над бесчинством ночи.

— У Швабов беда! Наверняка, Бенцион! Беги, Надав, я пока оденусь.

Всё перевернулось. Умница, она мгновенно расставила акценты, а я полицейский со стажем, сижу, как поц30 на кровати и рассуждаю о кошмарах. Крики «Надав! Надав!», полные отчаяния и жути, заставили прервать размышления и включиться. Кричали у ворот дома Швабов.

Секунды, и я в шортах и кроксах слетел по лестнице на первый этаж. Задержался у сейфа с пистолетом. Миг нерешительности, затем палец привычно отстучал восемь цифр по периметру, начиная с единички. Так я и появился у ворот швабской усадьбы, голый по пояс с укороченным «Бул М5 Коммандер», память о службе в ЦОП31 наперевес.

— Убили! — визжала Далия, — убили... — Голос её сорвался и далее она выла на одной высокой ноте, — убили... и-и-и-и-и.

— Кого убили? — я резко, без замаха, хлестнул её по щеке, женщина захлебнулась в рыдании, бросилась мне на шею.

Горячее дыхание обожгло кожу. В доме Швабов вспыхнули окна, словно взорвалась световая граната. Проснулись, но поздно. Свет уже не защитит. Подросла Мааян, я передал Далию ей и ринулся в дом. В гостиной жались друг к другу Швабы, жалкие, как безработные на бирже труда. Томер обнимал рыдающую Дану. Бенциона колотила дрожь. Не было Залмана, и страшное предчувствие сдавило сердце.

— Куда? — заревел я и, не ожидая ответа, взлетел вверх по лестнице. Два пролёта, как два вдоха. Слева две спальни, одна Залмана, вторая гостевая. Где чья, не помню, бывал здесь считанные разы. Рванул первую дверь — пусто. Вторую... Я прикрыл глаза и ощутил, как кислый комок поспешно взбирается по пищеводу. Залман лежал на спине поперёк кровати, уставившись в потолок стеклянным взглядом. Рваная дыра на правой щеке, залитая кровью подушка. Два кровавых пятна на груди. Одна рука покоилась на животе, вторая висла с кровати. Пальцы собранные в слепую горсть, пытались ухватиться за что-нибудь, но не дотянулись. Одеяло, невредимое и безупречно чистое, снежным торосом покрывало пол. В окне спальни на фоне моего дома виднелись три

отверстия в стекле, косо перечёркнутые трещинами. Залман успел повернуться лицом к смерти. «Вот так... роковая встреча...» — подумал я, и глупая мысль мгновенно отрезвила. Я сунул пистолет за пояс и, открыв дверь, закричал вниз:

— Кто-то вызвал скорую и полицию?

— Мааян, — ответил снизу Томер, — сейчас звонит.

— Пусть уведёт Бенциона в его комнату! Никому не выходить из дома, убийца может оставаться поблизости!

Покончив с наставлениями, я вернулся в спальню и запоздало тронул запястье Залмана. Чуть тёплое, но безжизненное. Я кинулся к окну, фонари расположенные вокруг здания чётко освещали ближайшее пространство. Не обнаружив ничего подозрительного, взялся осматривать помещение.

С тех пор, как я закончил юридический факультет и принял руководство следственного отдела территориального района Шфела, моя работа, в основном, заключалась в написании инструкций для государственных обвинителей и подчинённой мне следственной бригады. Сколько дней пребывания под стражей попросить у судьи или ограничиться домашним арестом; суть и очерёдность следственных мероприятий; рекомендации для закрытия дел по причине «Отсутствие общественного интереса» или «За

недостаточностью улик». Рутину, рутину, рутину. Она подходит лежебокам, зато нюх полицейского следака убивает напрочь.

— Залман! — в спальню вихрем ворвалась Далия и бросилась к брату.

— Не смей ничего трогать! — в последний момент я успел её перехватить. Не Далия, а воющий клон помутившегося рассудка. Я аккуратно и крепко прижал её к себе.

Она некоторое время билась в моих объятиях, затем застыла и обмякла.

— Отпечатки пальцев, — пояснил я, хотя был уверен, что стреляли с улицы, — Далочка, постарайся успокоиться и помочь мне. Кто первым увидел тело... тело Залмана?

— Я, — всхлипнула она. Её красивое лицо пошло красными пятнами, стало отталкивающим.

Мужчине не стоит видеть женщину после сорока, проснувшуюся посреди ночи по такому поводу. Начни её утешать — придётся выслушивать рыдания до приезда «скорой». До успокоительного внутривенно.

— Расскажи поподробнее, насколько возможно. Моя хорошая, я прекрасно понимаю твоё состояние, но слезами Залману не поможешь, и нужно найти убийцу... Каждая мелочь может иметь значение.

— Меня... меня разбудили звуки, похожие на

хрип... на скрежет... на звон разбитого стекла...

— Похожие?

— Да... Словно стекло трещит под подошвами... Залман закричал. Не знаю, что именно, наверное, звал на помощь. Я подбежала к комнате, постучала. Ни звука... Открыла дверь... И вот, — она тихонько заплакала, — что теперь с нами будет? — спросила она жалобно.

Что можно было ответить? Я не стал утешать.

— Осмотрись внимательно, может быть, увидишь, что в комнате не так, как обычно.

— Откуда мне знать. Я всего пару раз переступала порог его спальни. Он месяцами пропадал на службе... Всегда запирал дверь... — она вдруг разрыдалась, затрясла руками и зашептала с безумным ужасом, — змея... змея...

— Очнись! О чём ты?

Глаза её расширились.

— Боже мой... Я вошла... Залман был ещё жив. Узнал, потянулся ко мне... Я подбежала, но испугалась крови... и отскочила... А он... он просипел: «Змея... Я знал... Появится...» Вздохнул и... и затих...

Раздались звуки сирен. Я наскоро осмотрел спальню, заглянул в бельевой шкаф, просканировал ванную комнату. Кругом чин чином. Снова выглянул в окно, посмотрел вниз. Две полицейские машины с включёнными проблесковыми маячками

подрулили нос в нос, как на параде. Синхронно открылись двери. На душе полегчало.

Патрульный наряд выглядел пародией на героев из захудалых триллеров. Потешные, с одинаково навощенными волосами и образцовыми бакенбардами. Я знал обоих — Бориса и Алекса, снискавших титул «сдобная парочка» за фанатичное пристрастие к бурекасам. Плюс дежурный офицер Инбаль, колоритная, как все женщины в форме. Форма делала привлекательными даже изъяны её лица и непослушную угловатость. Инбаль славная девушка, правда, несчастная — нужно бы замуж, но всё никак. Троица засуетилась, решая, с чего начать. Объяснимое замешательство. Убийство из огнестрельного оружия, несмотря на имидж страны, вскормленный войнами и наветами арабской пропаганды, событие столь же редкое, как дождь в пустыне.

Первичный осмотр подтвердил, что Залман убит с приличного расстояния. Несколько мотков красной «DON'T Cross32» не хватило, чтобы окружить ею весь дом. Прибыла ещё пара патрульных машин. Наконец, вокруг всего участка натянули ленту. Затем понеслось с нарастающим ускорением. Во дворе стало тесно от полицейских машин с опознавательными знаками различных подразделений. Офицеры сновали по двору,

прикладываясь к термосам и деловито переговариваясь.

Пулемётной очередью застучали доклады дежурного офицера начальнику участка, от него — начальнику района и, наконец, командиру Центрального округа. Они сыпались один за другим, выстреливая в дом Швабов новые и новые службы. В каждой сановная свита офицеров. Все пробивались в спальню Залмана. Казалось, за одним — произнести умную фразу. Со мной здоровались деловито, как со старым, но бесполезным знакомым. Что ж, я по своей воле сошёл с дистанции. Глупо кого-то винить и, вообще, быть в обиде на весь свет.

Бессмысленное и пагубное для следствия паломничество прервала Инбаль, грудью заслонив к месту преступления. У всякого желающего перешагнуть порог она спрашивала имя, должность, звание и с нарочитой скурпулёзностью записывала в блокнот. Офицеры, как по команде, остыли. Никому не хотелось объяснять начальнику округа, чем занимался на месте преступления, огороженном лентой, и по чьей вине следы оказались уничтожены грубыми армейскими подошвами.

Журналисты прибыли немногим раньше генерала Сегала. Все знали, что они «пасутся» на полицейской частоте, но каждый раз изумлённо

таращили глаза. Смущая нижние чины, засверкали вспышки камер. Старшие, как-будто не замечая, старались попасть в объектив. Смешно, неужели и я со стороны выглядел таким же халявщиком. Сегал выслушал сбивчивые доклады. Затем иронично глянул на меня. Лишь тогда я вспомнил, что до сих пор разгуливаю с обнажённым торсом.

— Твои выводы, Турман?

— Я не у дел, разве что свидетелем...

— Можно и свидетелем, — не стал спорить начальник огруга, — давай по фактам?

— Коротко — убийство. Пока две версии — снайпер или скалолаз... — Я развёл руки в стороны, показывая скудость своих возможностей.

Но нас прервали.

— Нашли! Нашли! — из-за угла дома, давясь от счастливого возбуждения, выбежал Борис.

12

Я не удержался. Сначала подкрепил его надежду на служебное продвижение, но затем сразу обратил её в прах.

— Твой напарник Алекс караулит приставную лестницу под спальным окном? Пустое дело. Окно заперто изнутри, стекло не осыпалось, есть три пулевых отверстия... Значит, стреляли не в упор, не с приставной лестницы, а с расстояния.

Борис стыдливо попятился.

Генерал усмехнулся:

— Узнаю старину Турмана. Сходи оденься, не мальчик голышом щеголять.

— Наверняка, наши олухи затоптали следы убийцы... Но проверить не помешает, — вставил я шпильку и ушёл одеваться. Мааян осталась со Швабами.

Да, ничего не скажешь, убийство резонансное. В СМИ на глазах ожило извержение вулкана. Я нарочно настраивался на деловой ритм, не позволяя чувствам взять верх над разумом. Потом, всё потом. Сперва надо понять кто, как, и, главное, почему убил Залмана Шваба. В какой-то сотне метров генерал Сегал раздавал указания. Сейчас он возложит на самого опытного офицера, бьюсь об заклад, на Изи Мана, временное руководство расследованием. Затем куца пресс-конференция, не санкционированная пресс-службой, и потому заранее обречённая на провал. Совещание в штабе округа. Драчка за громкое дело. Кто возьмёт верх — отделение полиции Хедеры, следственный отдел Шфелы или департамент особых расследований? Кому генерал поручит вести дело? Кто угадает из трёх раз?

Временным руководителем ССБ33, как я и предполагал, назначили Мана. Чуть смущаясь в моём присутствии, подполковник развил бурную

деятельность. Детективы осмотрели возвышенные места, позволявшие укрыться стрелку. Кроны расположенных вокруг деревьев и скаты крыш.

— Чей это дом? — невинным тоном поинтересовалась Инбаль, подходя к группе офицеров, обсуждавших вчерашний матч «Бейтар Иерусалим34» и «Бнэй Сахнин35». Опасаясь беспорядков, болельщикам арабской команды отказали в доступе на стадион. Не помогло, там снова звучали расистские лозунги.

— А что? — будто не понимая, удивился я.

— Стреляли оттуда. — широко открыла глаза Инбаль.

— Мой дом. — признался я с комическим вздохом.

Наступила чугунная тишина. Ненадолго.

Сегал с Маном многозначительно переглянулись и расхохотались.

— Железобетонное алиби. Кто бы сомневался, — бычий подбородок Мана выжидательно опустился. Я решил не сдаваться:

— У меня нет алиби. Давно сплю один.

Сегал кашлянул, протёр очки и направился к служебному «Лендрроверу», бросив на ходу:

— Тоже мне проблема... В полдень совещание в штабе округа.

Изи Ман затрещал суставами, прорабатывая каждый палец, он явно не знал, что делать. Сегал

остановился и в полоборота добавил:

— Изи, здесь санкции неуместны. Попроси хорошенько, он сам согласится.

— Как сказать, — подбодрил я подполковника, указывая рукой на свой дом, — ты меня очень обрадуешь, если найдёшь там «лёжку» снайпера.

— Инбаль... — приказал, покраснев, как площадь Рабина в Тель-Авиве Первого мая.

Девушка вздохнула, извинительно развела руки, прикрываясь его спиной. Оба русских, «сдобная парочка» последовали за ней. Чтобы не вводить Изи в соблазн, я остался.

От резкого торможения завизжал генеральский джип. Корреспондент второго канала едва не угодил под колёса. Начальник округа приоткрыл окно, гаркнул насмешливо:

— Нисбаум, у тебя тормоза отказали?

Журналист без промедления запел профессиональную песню:

— С нами в прямом эфире начальник Центрального округа генерал Сегал. Он согласился коротко прокомментировать убийство Залмана Шваба. Это ведь было убийство, генерал?

Сегал хитро зыркнул на легендарного репортёра уголовной хроники и круто осадил:

— Без комментариев.

Густые брови Моше Нисбаума, напоминая

двух жирных, волосатых гусениц угрожающе зашевелились.

— Господин начальник округа, убит представитель одной из известнейших семей в Израиле, наши зрители имеют полное право...

— Конечно. Конечно, имеют. Идёт следствие, рассматриваются несколько возможных направлений работы. К делу подключены лучшие следователи округа.

— Лучшего, насколько мне известно, вчера спровадили на пенсию. Кстати, вот и он, — Нисбаум, видимо, колебался, стоит ли переключать внимание на меня, и решил, что не стоит. Пока камеры изменят ракурс, Сегал уедет, — но что здесь делает непревзойдённый сыщик Турман?

— Пенсионер Турман живёт здесь по соседству, — огорошил Нисбаума генерал, — и это всё.

Когда стекло перед лицом Сегала поползло вверх, журналист задал нетривиальный вопрос:

— Связано ли сегодняшнее убийство со службой Залмана Шваба в Управлении? Может быть, это очередной террористический акт? Или, не дай Бог, семейные разборки?

13

Генерал Сегал этого не знал. Я тоже оставался

в неведении. И, пожалуй, все в данный момент. В который раз из дверей дома Швабов выкатились Алекс с Борисом и, покрутившись у фонтана, исчезли за угол дома. Видно, что-то беспокоило их.

Когда все было тщательным образом осмотрено, обнюхано, сфотографировано и запротоколировано, в доме остались я, сражённые горем Швабы, Томер и Изи Ман. Мы сидели в гостиной. Белый цвет её казался траурнее ромашек в руках террориста-смертника. В тысячный раз повторялось, кто, как и когда обнаружил труп. Дужка моих очков исхудала, ещё неделя-другая переживаний, и придётся приобретать новые. Удовольствие не из дешёвых, приличный мультифокал из «Оптиканы36» тянул тысяч на восемь. Со мной Изи Ман держался вполне корректно — посередине между официально и дружески. Что называется, рамок приличия не переходил.

Нет, в комнате покойного мы ни к чему не притрагивались, не переставляли. Одно лишь, я проверил пульс и открыл окно. Швабы и Томер были беспомощны. Пытались добавить что-нибудь дельное, но кроме воплей Далии и моего геройства с голым торсом и пистолетом, ничего не слышали и не видели. И никаких зацепок.

Через прозрачную ширь дверей стало видно, как санитары понесли труп. Маневрируя между

кромкой бассейна и лежаками, едва не уронили в воду. Бенцион всхлипнул и застонал. Надломленные смертью Швабы менее всего напоминали вчерашних надменных аристократов. Дана прятала лицо на груди Томера. Он тоже переживал трагедию, предпринимая отчаянные попытки справиться с дрожащими руками.

— Прислуга в доме имеется? — спросил Ман, обращаясь почему-то ко мне.

Я перевёл взгляд на Марка. Он нервно пощипывал бородку, время от времени протяжно вздыхая и прищёптывая. Хотелось приласкать его ладонью меж рёбер, чтобы прекратил. На душе и без того скребли кошки.

— Понятия не имею, хозяйством занималась она, — переадресовал он вопрос Далии, кивнув в её сторону.

— Мы не держали постоянную прислугу. Когда наступало время, я вызывала уборщицу Нину. Если требовался уход за бассейном, то приходил... как его, — она беспомощно покрутила головой, не зная к кому обратиться. Залман знал всё, но... его нет... кажется, приходил Андрей. Садам занимался Халаби, раз в неделю и... — она, разрыдавшись, замолчала. Потом немного ободрилась.

— Когда они появлялись в последний раз? — Тут же спросил Ман.

— Не помню, надо позвонить Шварцу.

— Кто у нас Шварц? — записал он в блокнот новое имя.

— Коммунальные услуги... фирма «Шварц и дети». Почти все в Кейсарии пользуются. Да, прекрати ты, — ударила она Марка по руке, — хватит щипать свои волоски.

К Ману подошёл патологоанатом, закончивший писать предварительный отчёт.

— Сколько? — спросил подполковник.

— Что-то около четырёх часов. Три огнестрельных с расстояния не ближе десяти метров.

— Не дальше? — переспросил Ман.

— Пожалуй, что так. Результаты предварительные... Если не ошибаюсь, думаю, не ошибаюсь, пули пистолетные. После вскрытия скажу точнее.

Изи явно не стал скрывать довольной усмешки.

— Собираюсь просить у судьи указа о неразглашении следствия. Вы понимаете, что я имею ввиду?

— Мы понимаем... Конечно, — подал голос Бенцион, — у меня нет никакого интереса прочитать в завтрашней газете о смерти сына.

— Благодарю за сотрудничество и снова приношу свои соболезнования.

— Подполковник, я прошу... Вскрытие обязательно? — безжизненным голосом спросил Бенцион.

— А как вы считаете?

— Послушай, Ман, дружище, в полдень совещание в округе, ты опоздаешь, и дело отдадут кому-то другому — осадил я его.

— Простите. Совершено убийство и по закону вскрытие обязательно. Ваша семья, сколько я знаю, не религиозная, и нет причин спешить с похоронами.

Бенцион отмахнулся от него, как от бравой мухи. Попросил Далу помочь. Я давно знал Бенциона, ему хотелось добраться до комнаты, чтобы побыть одному. Ман ушёл, предупредив Швабов и Кальдерона не покидать Кейсарию без его ведома.

Мы долго сидели и смотрели, как разбивался о стекло шум дождя. Влажные капли звуков стекали наземь. Теребили гладь бассейна. Февраль с одинаковым безразличием смывал преступные улики и полицейские следы. Дождь совершенен в своей дикости и неизменно прекрасен.

В любом поселении существуют немые дома, дома говорящие и поющие. Усадьба Швабов едва переводила дыхание после несчастья, постигшего её обитателей. Поручив Дану заботам Томера, я вернулся домой. Из-за старой привычки в моей

голове, как пчёлы, роились комбинации. Сливались воедино и разбегались в стороны. В какой-то миг решение, как плод, оказывалось зачатым. Я терпеливо вынашивал его. Но чаще недолго. И когда оно стремительно появлялось на свет, я купался в лучах славы. Обо мне говорили, как о мастере молниеносного расследования.

14

Основное правило опытного сыщика — не доверять внутреннему голосу, тем более, если он убеждает, что в деле полная ясность. Нельзя отрицать возможность того, что происходящее вершится не так, как видится.

Мааян разогрела в микроволновке пиццу, весьма пикантную под бутылочку красного с Голанских высот. Седативный эффект вина оказался мгновенным. Адреналиновый шторм, вызванный ночным несчастьем, постепенно нисходил к прочному штилю.

Сегодня я снова спал не один. Мааян вошла в спальню и включила свет. Нежное перекачивание груди под тонкой тканью пеньюара заставили меня забыть о трагедии Швабской фамилии. Пусть земля будет пухом почившим, но мы-то ещё живы.

Проснулся я от телефонного звонка. Мааян рядом не было. Как всегда, после хорошего секса,

ушла кудесничать на кухню. Звонил Ман — порадовал. Сегал официально назначил его главой ССБ, и новоиспечённый начальник следственного отдела внезапно осознал всю тяжесть, возложенного на его плечи груза. Любой следователь мечтает о подобном деле, однако в качестве старта на новой должности, да ещё при неблагоприятном раскладе, оно может запросто погубить карьеру.

— Как мне быть, маэстро? — он явно не верил в свои силы, — может, подстрахуешь? Ты ведь у нас асс молниеносного расследования!

— Не подлизывайся, — обозначил я согласие, обдумывая его вес, — скажу «да», если выполнишь несколько условий.

— А как же. Знаю от и до, — повеселел подполковник, — полный карт-бланш.

— И Инбаль на побегушках.

— И Инбаль на побегушках.

— И впридачу «сдобную парочку», Бориса и Алекса.

— Ладно, их тоже...

Я откинулся на подушке. Никогда не верил в случайность событий. Она всегда преображалась в наследие предыдущих. По молочной белизне потолка заскользили кадры хроники Швабской фамилии.

Я наизусть помнил многие строки из Книги. Тем и отличалось наше безумное племя от остальных народов. Нас всегда фанатично роднило Писание, верили мы ему или нет, исполняли или шли вспять. Я — мало верил. Редко прислушивался. Но неизменно стыдился себя. Можно завязать глаза, чтобы не видеть и заткнуть уши, чтобы не слышать. Но, положа руку на сердце, никак нельзя опровергнуть Божье предначертание:

«И возьму вас из народов, и соберу вас из всех стран, и приведу вас в землю вашу, там будут жить они и дети их, и дети детей их во веки».

За «душу» Арона Шваба, наследника богатого еврейского промышленника из Хаджибее37 сражались два сиятельных барона — Ротшильд и Гирш. Первый звал в Палестину, второй в Аргентину. Юный Арон, поборник традиций, раздумывал недолго. Я невольно улыбнулся, вспомнив рассказы отца о друге и соратнике моего деда, Арончике Швабе.

Земля, куда спешили исполнить Предначертание еврейские семейства, в те времена находилась под властью Оттоманской Империи. Подгнившего, но всё ещё сильного государства. Турецкий султан Абдул Хамид пуще собственного гарема обожал деньги. У барона Ротшильда их

имелось в достатке.

— Предположим, мы твёрдо решили воссоздать государство, — говорил он Арону, вальяжно оглаживая седую бородку, — для начала нам потребуется неразделимая троица — люди, земля, деньги. Все три проблемы, соединённых вместе.

— Абраша, — отвечал Шваб, разливая чай в китайский фарфор династии Мин, — пойми, евреев в Восточной Европе больше, чем людей. Из-за неравноправия, погромов и прочих пакостей они поедут хоть в Америку, хоть к чёрту на кулички. Деньги, допустим, дадим. Но где взять землю?

— Купим, любезный цадик. С его величеством Абдул Хамидом я договарюсь.

Так достопочтенный Арон Шваб, вместе с моим дедом Давидом Турманом, вошли в число основателей «Одесского комитета³⁸», единственной сионистской организации в России на легальном положении. В задачи комитета, помимо переселения входила покупка земли в Палестине, земле без народа, сиротской родине изгоев, поколениями лелеющих, от отца к сыну, от деда внуку, мечту о возвращении: «Дай нам Бог встретить следующий год в Иерусалиме...» Библию арабы не читали и не знали, что две тысячи лет назад Бог даровал эту землю, эти песчаные дюны, каменистые склоны и топкие болота своим

избранникам — евреям. Кочующим арабским племенам не было дела до того, что многие века назад здесь процветало государство с поголовной грамотностью граждан. Большинство из них не только ревностно читали, но истово исполняли заповеди Писания.

В тысяча девятьсот третьем году устрашённый Кишинёвским погромом «Одесский комитет» направил в Палестину переселенцев во главе с моим дедом Давидом. Предполагалось основать новое поселение. Арон Шваб на некоторое время оставался в Одессе, снабдив деда средствами на покупку земли. Одесский погром добавил волнений. Но не на шутку всполошился Арон в революционном семнадцатом, бросил всё и прибыл на Святую Землю последним эмиссаром пресловутого «Комитета». С ним последовала семья — жена Дебора, низенькая шустрая непоседа с пятью малыми детьми. Шваб сразу попал в суровую круговерть жизни. Генерал Алленби, полномочный представитель Королевства Великобритании подвёл черту под трёхсотлетним правлением Оттоманской империи. Начиналась английская оккупация. К холере присоединился голод военной поры. Тогда Арон потерял первого ребёнка. Словно в насмешку в том же году в Газе произошло неприметное событие. Богатый купец Абдель Рауф эль-Кудва женился на бедной арабской аристократке из

Иерусалима Захве Абу Сайд. Шестого ребёнка счастливые родители назвали Мухаммад Абд ар-Рауф Арафат аль-Кудва аль-Хусейни, или короче Ясир Арафат. Дебора тоже разродилась шестым — Давидом, названным в память о моём деде. Дед Давид Турман погиб молодым при защите еврейского квартала в Иерусалиме — от рук арабских погромщиков в кровавом двадцатом году.

Швабы сказывали, что их фамилия пошла от пращура, выходца из Швабии. В быту применялись вольные сочетания фамилии с любыми словами, образуя понятийные формулировки. От фундаментальной «Швабская фамилия» до многозначительной: «это всё Швабские штучки». По перепетиям семьи Швабов без условностей можно было писать историю становления новейшего еврейского государства.

Чтобы избежать отправки в Россию на забрив, сказать проще, войсковой призыв, Арон вступил в Еврейский легион английской армии. В том вскрылась предопределённость — именно там он близко сошёлся с будущим первым премьер-министром Израиля Давидом Бен-Гурионом. Денег, привезённых из России, едва хватало свести концы с концами. Восхождение на Святую Землю смахивало на спасительное бегство от гибели. Реализовать недвижимость, приобретения и накопления Арон не успел. Всё

отобрали большевики.

Арону в тысяча девятьсот двадцать третьем году вместе с Бен-Гурионом удалось побывать в отечестве посланцем рабочих Палестины на Международной выставке сельского хозяйства. В Москву добирались через Одессу. Домой, в Израиль Арон вернулся богачом, видимо, благополучие хранилось вне банка. Вскоре он удачно вложился в покупку земли в Изреельской долине. Там Швабы принялись за тотальную осушку болот, покрывавших приобретённый участок. Там же, подхватив малярию, нашёл вечный покой их второй ребёнок. Арон Шваб ехал в Палестину обрабатывать землю, но сугубого пахаря из него не вышло. Вместо этого он продолжил скупать болота. В те годы прибрежная равнина Средиземноморья вообще была редко заселена. Участки дешевели и владельцы охотно от них избавлялись. Тех же, кто не радовался утрате земли, Арон умел убеждать. Он не был неженкой.

В двадцать девятом возобновились погромы. В Хевроне толпа арабов кастрировала двух раввинов. Убили хромого фармацевта сорок лет изготовлявшего лекарства для евреев и арабов. Его дочь изнасиловали и растерзали. С двухлетним Менахемом Сегалом, братом нынешнего командира Центрального округа, поступили куда гуманней — ему, отрезав пальцы, оторвали голову. В неделю от

рук арабов погибли сто тридцать три человека, раненных оказалось более трёхсот.

Арон вступил в «Хагану39». Но её методы не остудили негодующую Швабскую душу. Боевой опыт, полученный за годы службы в Еврейской бригаде, пропадал даром. Когда в тридцатом родился младший сын Бенцион, самый выстраданный, бесценный «мизинек40», как называла его Дебора, Арон недолго думал над уговорами и подался в боевую организацию «Эцель41».

В тридцать шестом, во время крупного арабского восстания в Яффо погиб третий ребёнок — дочь. Над малолетней мученицей долго глумились семь арабских мужчин. Дебору горе едва не свело с ума. Арон же убедил руководство «Эцель» применить свой вариант «око за око» — карательные акции против арабского насилия, привычную тактику убийц, не делающих различия между вооружённым противником и безоружными. Арон лютовал, мстил страшно за невинно погибших собратьев, но пуще — за растерзанную дочь. Кровь не утоляла его ненависть и требовала новой крови. Правда, своих жертв он не мучил — лишал жизни сразу. Товарищам пришлось отправить его в Европу для закупки оружия. От греха подальше. Арон воспитывал в Бенционе воина. Мальчик родился сабра, ему предстояло

многое пережить.

16

В тридцать девятом повеяло горьким дымом войны. Ни пятнадцать миллионов евреев-ашкеназов, ни полтора миллиона сефардов не могли представить себе, что унижения, погромы и ненависть, сокрушавшие их жизнь, окажутся по сравнению с назревающей бедой сущими неурядицами быта.

Подпольная армия «Эцель», не скрывая враждебность к Британии, поднялась против Гитлера. Арон с сыном влились в передовые ряды Еврейского Легиона. На территории Израиля шла запись добровольцев в британскую армию. Несчастья не покидали семью. В первом же бою с отборной дивизией вермахта сына не стало. Четвёртого из пяти. Арона смерть обошла, в сорок пятом он, израненный, вернулся домой.

По прошествии трёх лет настал великий праздник. На такие скупа история. В который раз мир затаил дыхание. В шестом часу вечера Генеральный секретарь ООН Освальдо Аранха объявил результаты голосования. За раздел Палестины — тридцать три голоса, против — тринадцать, воздержалось — десять. Арон ликовал:

СССР — за.

США — за.

Афганистан — против.

Аргентина — воздержалась.

Бельгия — за.

Чили — воздержалась.

Гватемала — за.

Нидерланды — за.

Новая Зеландия — за.

Чехословакия — за.

Гаити неожиданно — за.

Франция — за.

Великобритания — воздержалась.

Подобно птице Феникс возродилось еврейское государство. Позади сотни лет скитаний, недружелюбие стран и народов, вечное заискивание перед правителями, инквизиция, изгнания, жёлтые звезды и, главное, ощущение незащитности перед чужой волей. Пусть на очень маленькой территории, но на своей! И нет силы, противостоящей Божьей!

Давид Бен Гурион зачитал Декларацию Независимости еврейского государства Израиль: «Все иммигранты могут въехать в страну... Равенство, братство... Мужчины и женщины равны... Свобода вероисповедания, образования и культуры... Уважение принципов хартии ООН... Жителям-арабам — полное и равноправное гражданство... Предложение мира всем соседям...»